

Victor
HUGO
1802 — 1885

Виктор
ГЮГО

Ган Исландец

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 99

Перевод с французского Е. М. Шишмаревой

Серийное оформление В. В. Пожидаева

Оформление обложки В. В. Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-11651-1

- © Е. М. Шишмарева (наследники),
перевод, 2016
- © Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

I

- Вы видели его? Кто его видел?..
— Я его не видела — я его не потрогала!
Стерн. Тристрам Шенди¹

— **Вот** до чего доводит любовь, сосед Нильс. Бедняжка Гута Стерсен не лежала бы сейчас на этом черном камне, подобно выброшенной приливом морской звезде, если бы усерднее занималась лодкой и сетями своего отца, нашего старого приятеля. Да утешит его святой Узульф!

— А этот молодой красавчик, ее жених, Жил Стадт, — подхватил старушечий дребезжащий голос, — не покоился бы с ней рядом, если бы нянчил своего младшего брата, вместо того чтобы крутить любовь с Гутой и искать удачи в проклятых рудниках Рёруса.

Сосед Нильс, к которому обращался первый собеседник, прервал говорившую:

— Память подводит вас, матушка Олли. У Жила никогда не было братьев, и это делает горе бедной вдовы Стадт еще горше — ведь ее хижина теперь совсем опустела. А когда она поднимет очи горé, ища утешения, ее взгляд непременно упрется в старый потолок, где под матицей все еще покачивается колыбель ее малютки, которого она вырастила и которого теперь унесла смерть.

— Несчастливая мать, — вздохнула старая Олли. — А юноша сам виноват — что его понесло в рудники Рёруса?

¹ Пер. А. А. Франковского.

— Действительно, — поддержал Нильс, — эти чертовы рудники в обмен на каждый фунт меди забирают у нас молодую жизнь. Верно я говорю, братец Брааль?

— Рудокопы совсем с ума посходили, — сердито ответил рыбак. — Живая рыба не должна покидать воду, а живые люди не должны лезть под землю. Так заведено...

— А если без этой работы Жил Стадт не мог добыть денег, чтобы жениться на своей невесте? — раздался в толпе молодой голос.

— Все равно нельзя рисковать из-за страсти, — отозвалась Олли. — Страсть не может заполнить жизнь и не стоит ее. Хорошую же брачную постель приготовил Жил своей невесте!

— А что, — спросил с любопытством кто-то, — молодая женщина утопилась от отчаяния, из-за смерти своего жениха?

— Да кто это сказал? — раздался грубый голос солдата. — Я эту девицу хорошо знал. Она и вправду считалась невестой молодого рудокопа, которого недавно раздавило при взрыве в штольнях Сторвадсргрубе возле Рёруса. Но она также была и любовницей одного моего приятеля. Позавчера, видно, собиралась проскользнуть в Мункхольм, чтобы отметить с любовником смерть женишка, вот и утонула вместе с лодкой, напоролась на подводную скалу.

Поднялся шум.

Старухи закричали, что это неправда, но молодежь помалкивала, а сосед Нильс повторил рыбаку Браалю его же суждение:

— Вот до чего доводит любовь!

Солдат уже начал злиться, что ему перечат, он уже обозвал женщин «старыми ведьмами из грота Кирагота», а те, в свою очередь, не стали терпеть оскорблений, но тут громкий властный окрик: «Тихо, тихо, пустомели!» — положил конец спору. Все разом умолкли, словно куры, услышавшие внезапный крик петуха.

Прежде чем продолжить рассказ о дальнейших событиях, не мешает описать место действия. Дело происходило — читатель, без сомнения, уже это понял — в одном из тех мрачных мест, куда по приказу властей свозят трупы неизвестных, в последнем пристанище мертвецов, чья жизнь не была сладкой. В таких местах всегда толпятся досужие зеваки — кто-то злословит, кто-то великодушествует. Туда приходят в поисках пропавших близких их друзья и заплаканные родственники, которым долгое невыносимое беспокойство не оставило и тени надежды. В те далекие годы, в не слишком цивилизованной стране, куда я пригласил моего читателя, люди еще не додумались возводить в подобных заведениях изысканно-зловещие и сдержанно-мрачные погребальные монументы, как это принято теперь в наших городах грязи и злата. Свет почти не проникал сюда через отверстие в резном своде морга и лишь едва касался подобия кроватей, где мертвецам словно пожелали оставить немного прижизненных удобств, обозначив изголовья, как будто для сна. Иногда открывалась дверь, ведущая в служебное помещение, но за ней не мелькали красивая мебель и веселые лица детишек, как это бывает в подобных заведениях сегодня, и взгляду тогдашнего посетителя не на чем было отдохнуть от угнетающего зрелища страшных обнаженных трупов. Смерть представляла здесь во всем своем уродстве, люди еще не научились украшать ее мрачный скелет помпонами и бантами.

Зал, где шумела толпа, был просторен и сумрачен, а потому казался гораздо больше, чем был на самом деле. Единственными источниками света были выходявшая на порт Дронтхейм низкая квадратная дверь и грубо высеченное в потолке отверстие, сквозь которое дождь, град или снег, в зависимости от времени года, сыпались прямо на трупы. Зал разделяла поперек железная балюстрада высотой до пояса. В переднюю

половину через квадратную дверь входила публика, а за перегородкой вдоль и поперек располагались шесть постаментов из черного гранита. Для служителя и его помощника имелась маленькая боковая дверца — жилище их находилось в задней, выходявшей к морю, части здания. Рудокон и его невеста занимали две гранитные постели. Тело девушки уже было тронут тлением, и на ее членах, по линиям кровеносных сосудов, проступили большие синие и багровые пятна. Лицо Жила казалось жестким и мрачным. Впрочем, юноша был так изувечен, что судить о его красоте, о которой упомянула старая Олли, решительно не представлялось возможным.

Именно перед этими обезображенными останками и состоялся приведенный выше и переданный слово в слово разговор.

Сидевший в темном углу на расшатанном табурете сухопарый старик со скрещенными на груди руками и склоненной головой не обращал на перепалку никакого внимания. Но внезапно он выпрямился во весь свой высокий рост и с криком: «Тихо, тихо, пустомели!» — схватил солдата за локоть. Все замолчали. Солдат обернулся и, увидев изможденное лицо, редкие грязные волосы, длинные тощие пальцы и нелепые кожаные обноски, громко рассмеялся. Действительно, вид вмешавшегося в спор человека мог вызвать только усмешку. Однако из толпы растерявшихся на мгновение женщин послышались приглушенные голоса:

— Это служитель Сплэдгеста!¹

— Страж мертвых!

— Дьявол Спьягудри!

— Проклятый колдун!..

— Тихо, болтуны, тихо! — повторил смотритель. — Если вы слетелись сюда на шабаш, то позаботьтесь

¹ Название морга Дронтхейма.

о ваших метлах — как бы они не улетели без вас! Оставьте в покое этого достойного потомка Тора!

Изобразив на лице подобие добродушной улыбки, Спягудри обратился к солдату:

— Вы говорили, любезнейший, что эта оборванка...

— Старый черт! — пробормотала Олли. — Конечно, мы для него «оборванки», ведь за наши тела, когда они попадают в его когти, плата лишь тридцать аскалинов, а труп мужчины приносит ему целых сорок.

— Тихо, старухи! — снова прикрикнул Спягудри. — Поистине, эти дочери дьявола точь-в-точь котлы с водой — как закипят, принимаются шипеть. Скажите-ка, бравый рыцарь меча, ваш товарищ, потеряв любовницу, конечно, наложит на себя руки?

Раздался новый всплеск голосов.

— Только послушайте этого еретика, этого старого безбожника! — закричали разом человек двадцать. — Ради сорока аскалинов, что ему платят за каждый труп, он не прочь известить всех наших мужчин!

— Ну так что же? — Громкий голос служителя Сплэдгеста перекрывал все крики. — Разве наш благословенный король и защитник Кристиан Пятый не объявил себя покровителем рудокопов, чтобы после их смерти жалкое имущество бедолаг обогащало королевскую казну?

— Слишком много чести для монарха сравнивать королевскую казну с вашей мошной, а его самого с вами, сосед Спягудри, — съязвил рыбак Брааль.

— Сосед?! — Служитель был явно возмущен подобной фамильярностью. — Сосед!.. Скажите лучше — ваш хозяин, ведь не исключено, что когда-нибудь, благороднейший повелитель лодки и сетей, мне придется на недельку предоставить для ваших останков одну из моих шести каменных постелей. А вообще-то, — старик засмеялся, — я заговорил о смерти солдата лишь

потому, что не дело прерывать славную традицию самоубийств, на которые толкает нас трагическая страсть к женщине.

— Ну ладно, труп хранителя трупов, — отозвался солдат, — а что ты хочешь доказать своей любезной улыбкой, сильно смахивающей на гримасу висельника?

— Недурно сказано, храбрец! — отвечивал служитель смерти. — Всегда подозревал, что под каской жандарма Турна, языком и саблей победившего дьявола, ума ничуть не меньше, чем под митрой епископа Ислейфа или под шапочкой профессора Шённинга, составившего описание нашего собора.

— Ну, раз ты так считаешь, старый кожаный мешок, забудь о доходах от мертвецов и продай лучше свой скелет в кунсткамеру вице-короля в Бергене. Клянусь святым Бельфегором, за редкие экземпляры там платят звонкой монетой. Но все же чего ты от меня хочешь?

— Когда приносят утопленника, мы должны поделиться причитающейся за него суммой с теми, кто его выудил. Так вот, хочу попросить вас, brave наследника жандарма Турна, уговорите вашего бедолагу приятеля не топиться, а выбрать какой-нибудь иной способ лишиться себя жизни. Ему-то ведь все равно, так зачем же огорчать доброго христианина, который окажет гостеприимство бездыханному телу, если потеря Гуты все же подвигнет его на отчаянный поступок?

— Ошибаетесь, гостеприимный и великодушный служитель. Мой товарищ не воспользуется удобствами вашего привлекательного заведения на шесть постельцев. Он наверняка уже утешился с другой валькирией. Клянусь бородой, ваша Гута ему давно надоела.

После этих слов на голову солдата обрушилась настоящая буря.

— Негодяй! — кричали старухи. — Так вот как вы относитесь к нам, женщинам! Ну так и любите всяких мерзавок!

Однако молодые женщины и девушки молчали. Многие из них находили, что дерзкий солдат весьма недурен собой.

— О! Это что, репетиция шабаша? — парировал нападки наш герой. — Муки святого Вельзевула истинно ужасны, если он вынужден каждую неделю выслушивать подобные завывания.

Неизвестно, какую реакцию вызвала бы эта новая выходка, если бы общее внимание не отвлек донесшийся снаружи шум. Гул голосов усилился, и вскоре в зал ворвалась ватага полуголых мальчишек, кричавших и пританцовывавших вокруг покрытых грубой тканью носилок в руках двух мужчин.

— Откуда? — спросил служитель у носильщиков.

— С дюн Урхтая.

— Оглипиглап! — позвал Спягудри.

Открылась боковая дверь, и показался низенький лапландец, одетый в шкуры с головы до пят. Он сделал носильщикам знак идти за ним. За маленькой процессией последовал и Спягудри. Дверца захлопнулась, не дав любопытствующим возможности определить по очертаниям, кому принадлежит тело на носилках — мужчине или женщине.

Все еще терялись в догадках, когда дверь распахнулась снова и служитель с помощником вынесли и положили на одну из каменных лежанок мужской труп.

— Давненько не видел таких красивых одежд. — Приподнявшись на цыпочки и вытянув шею, Оглипиглап повесил над изголовьем мертвеца нарядный капитанский мундир.

Голова трупа была обезображена, все тело — в крови. Служитель несколько раз плеснул на него водой из старого ведра.

— Клянусь святым Вельзевулом, — воскликнул солдат, — это офицер моего полка! Не капитан ли Боллар наложил на себя руки от горя, когда его дядя отдал

концы? Ах нет!.. Он ведь его наследник... Барон Рандмер? Вчера он проиграл свои земли, но ведь завтра может отыграть их, а в придачу и замок своего противника! А вдруг это капитан Лори, у которого утонула собака?.. Не исключено, впрочем, что это казначей Штунк — ему изменяет жена... Но, сказать по чести, не вижу ни у кого из них резона сносить себе полголовы.

Толпа увеличивалась с каждой минутой. В это время проезжавший в сторону порта молодой человек, увидев столько народу, соскочил с лошади, передал поводья ехавшему за ним слуге и вошел в Сплэдгест. Путник был в простом дорожном платье, широком зеленом плаще и при шпаге. Прикрепленное к шляпе бриллиантовой застёжкой черное перо подчеркивало благородство его облика, покачиваясь над выющимися каштановыми волосами, спадавшими на высокий лоб. По забрызганным грязью сапогам и шпорам можно было заключить, что всадник проделал немалый путь.

Когда незнакомец входил в зал, один приземистый человек, также закутанный в плащ и прятавший руки в огромных перчатках, возражал солдату:

— Кто сказал, что это самоубийство? Если утверждать, что этот человек наложил на себя руки, тогда и крыша собора, выходит, тоже загорелась сама собой?

Как меч наносит раны обеими сторонами своего лезвия, так и слова маленького человека вызвали двой-
кий отклик.

— Наш собор! — воскликнул Нильс. — Его сейчас покрывают медью... А пожар, говорят, устроил сам негодяй Ган, чтобы добавить работы рудокопам. Одним из них-то и был его любимец Жиль Стадт, который теперь лежит здесь.

Солдат возмутился:

— Черт побери! Осмелиться сказать мне, второму аркебузиру мункхольмского гарнизона, что этот человек не сам пустил себе пулю в лоб!

— Его убили, — хладнокровно настаивал на своем низкорослый господин.

— Вы только послушайте этого оракула! Да твои маленькие глазки так же слепы, как руки, которые ты посреди лета почему-то прячешь в толстых перчатках!

— Солдат! Моли своего святого, чтобы эти руки не оставили однажды отпечатка на твоём лице.

— Ну-ка выйдем! — Солдат стал багровым от гнева, но тут же осекся. — Нет, негоже затевать дуэль в присутствии мертвых...

Низкорослый человек пробурчал что-то на непонятном языке и исчез.

В толпе громко произнесли:

— Его нашли на отмели в Урхтале.

— В Урхтальских дюнах? — повторил солдат. — Там сегодня по возвращении из Копенгагена должен был пришвартоваться капитан Дисполсен.

— Капитан Дисполсен ещё не прибыл в Мункхольм, — возразил чей-то голос.

— Поговаривают, в тех местах бродит Ган Исландец, — заметил ещё кто-то.

— В таком случае, возможно, наш мертвец и есть капитан, — сказал солдат, — а убийца — Ган Исландец. Ведь все знают, Исландец убивает особым дьявольским манером — жертвы выглядят так, будто сами наложили на себя руки.

— Что за человек этот Ган? — спросили из толпы.

— Великан! — прозвучало в ответ.

— Да нет, карлик! — не согласился кто-то.

— Значит, его никто не видел? — снова поинтересовался тот же голос.

— Тот, кто его видел, — видел в первый и последний раз!

— Да хватит болтать! — сказала старая Олли. — Поговаривают, что только три человека перекинулись

с ним хоть однажды словечком-другим: выродок Спягудри, вдова Стадт да бедняга Жил. У него была непростая жизнь и такая же смерть — и вот он здесь, перед нами... Тс!..

— Тс!.. — подхватили со всех сторон.

— Теперь, — вдруг воскликнул солдат, — я уверен, что это действительно капитан Дисполсен. Я узнаю стальную цепочку, которую перед его отъездом в Копенгаген подарил ему наш узник, старик Шумахер.

Молодой человек с черным пером нарушил молчание:

— Так вы уверены, что это капитан Дисполсен?

— Могу поклясться святым Вельзевулом, — отозвался солдат.

Молодой человек быстро пошел к выходу, бросив на ходу слуге:

— Найми барку до Мункхольма.

— А как же генерал, мой господин?

— Отведи к нему лошадей. Я буду там завтра. Разве я не волен собой распоряжаться? Поворачивайся, уже темнеет, а я тороплюсь. Лодку!

Слуга повиновался приказу, а затем некоторое время провожал взглядом молодого господина, удалявшегося на барке от берега.

II

— Я присяду здесь, рядом, а вы, чтобы скоротать время, расскажите какую-нибудь любопытную историю.

Преподобный Метьюрин. Бертрам

Читатель уже знает, что мы находимся в Дронтхейме, одном из четырех главных городов Норвегии. Резиденция вице-короля находилась, однако, в другом городе. В ту эпоху — а история наша относится к 1699 году — объединенное королевство Дании и Норвегии управлялось вице-королями, пребывавшими в Бергене, расположенном южнее, более крупном и красивом, нежели Дронтхейм, городе, к тому же данное ему прославленным адмиралом Тромпом название отдает дурным вкусом.

Со стороны залива, которому город подарил свое имя, Дронтхейм выглядел весьма привлекательно. Довольно большая гавань, куда, однако, судам не в любое время легко было заходить, представляла собой вытянутую в длину бухту, где по правую руку швартовались норвежские и датские корабли, а по левую — иностранные, что предписывалось правилами того времени. За гаванью, на ухоженной равнине, виднелись высокие соборные шпили города. Городской собор когда-то являл собой превосходный образец готической архитектуры, если верить книге профессора Шённинга, столь к месту упомянутой Спягудри. Профессор описал эту церковь еще до того, как частые пожары почти полностью разрушили здание. В ту пору главный шпиль храма венчал епископальный крест, отличный знак принадлежности собора к лютеранскому

епископату Дронтхейма. Теряясь в голубоватой дымке, город обрамляли снежные вершины горной цепи Кьёлен, похожие на украшенные драгоценными камнями зубцы старинной короны.

Посреди гавани, на расстоянии выстрела береговой пушки, на омываемом волнами скалистом островке располагалась одинокая крепость Мункхольм — мрачная тюрьма, где содержался всем известный в те времена своим долгим процветанием и внезапным падением узник.

Шумахер, выходец из низов, был щедро осыпан королевскими милостями, но из кресла великого канцлера Дании и Норвегии его сбросили вниз, как изменника, сначала на скамью подсудимых, а затем на эшафот, откуда по высочайшему указу отправили в тюремную камеру на окраине обоих королевств. Погубили Шумахера люди, им же выдвинутые, но он не имел возможности даже упрекнуть их в неблагодарности. Бывшему канцлеру не на кого было жаловаться — его предали те, кого он вознес, чтобы с их помощью вознестись самому.

Основатель дворянства в Дании, Шумахер даже из своего заточения видел, кто захватил высокие посты. Его смертельный враг граф Альфельд сделался великим канцлером; Аренсдорф, став маршалом, раздавал чины и награды; епископ Сполисон ведал университетами. Единственным из врагов, кто ничем не был обязан Шумахеру, оказался граф Ульрих Фредерик Гульденлев, побочный сын короля Фредерика III, вице-король Норвегии. Более того, он даже проявил некоторое благородство.

Лодка, в которой сидел молодой человек с черным плюмажем на шляпе, медленно приближалась к печальным скалам Мункхольма. Солнце быстро садилось позади одинокого замка, непроницаемая громада кото-

рого поглощала падавшие уже почти горизонтально лучи, так что крестьянин на отдаленных холмах Ларсинна мог видеть на вереске рядом с собой легкую тень стражника, прохаживавшегося за зубцами главной башни темницы.

III

— Ах, когда я только себе представляю... Вот куда меня можно было бы так смертельно ранить!.. Сласс-толобец, который... домогается своего... Клаудия!.. Одна мысль об этом приводит меня в бешенство...

*Лессинг. Эмилия Галотти*¹

— Эндрю, предупредите, что через полчаса дадут сигнал гасить огни, Сорсиль сменит Дукнеса у большой решетки, а Мальдивиус пусть поднимется на площадку большой башни. Приказываю с особым усердием сторожить башню Шлезвигского Льва. Помните, что в семь часов по пушечному выстрелу в порту должны протянуть цепь... Нет, следует дожидаться прибытия капитана Дисполсена. Значит, нужно зажечь большой сигнальный огонь и проверить, горит ли Вальдерхогский маяк. Проследите, чтобы капитану приготовили еду и питье. Да, чуть не забыл, пусть посадят на гауптвахту на два дня второго аркебузира гарнизона Торики Белфаста — он отсутствовал целый день.

Так говорил дежурный сержант под закопченными черными сводами караульной башни Мункхольма, расположенной над первыми воротами замка.

Солдаты, к которым он обращался, оставили игральные кости и лежаки, на которых они отдыхали, и отправились исполнять приказ.

В установившейся тишине послышались размеренные удары весел.

— Вот наконец и капитан Дисполсен!

Сержант открыл смотревшее на залив маленькое зарешеченное окошко.

¹ Пер. М. М. Бамдаса.

— Кто прибыл? — хрипло окликнул он.
— Впустите! — ответили из лодки. — Мир и безопасность.

— Пока не сходите на берег. Пропуск есть?

— Есть.

— Сейчас проверим. Если лжете, то, клянусь моим святым покровителем, нахлебаетесь воды в заливе.

Закрывая окошко, сержант пробормотал: «Это не капитан!»

За железными воротами блеснул огонь, заскрипели ржавые засовы, поднялись перекладыны, дверь распахнулась, и сержант принялся рассматривать документ, который протянул ему новоприбывший.

— Проходите, — сказал он наконец. — Хотя погодите. Оставьте пряжку с вашей шляпы снаружи, в государственную тюрьму вносить драгоценности запрещено. По регламенту, только «король и члены королевской семьи, вице-король и его ближайшие родственники, епископ и начальник тюрьмы составляют исключение». Вы же не являетесь ни одним из этих лиц?

Юноша без лишних слов отстегнул бриллиантовую пряжку и бросил ее лодочнику в качестве платы. Тот, испугавшись, как бы щедрый пассажир не передумал, поспешил отплыть подальше от своего благодетеля.

Сетуя на то, как безответственно раздают пропуска в королевской канцелярии, сержант закрыл засовы, и его ботфорты медленно застучали по ступеням винтовой лестницы. Посетитель, закинув полу плаща за плечо, торопливо прошел под черными сводами низкой башни, пересек длинный плац и очутился в артиллерийском зале, где было установлено несколько старинных пушек, подобных тем, которые сегодня можно видеть в музее Копенгагена, но строгий окрик часового заставил пришедшего держаться от них подальше.

Молодой человек добрался до островерхой решетки, поднявшейся при его приближении, затем в сопровождении солдата уверенно, как завсегдатай этих мест, миновал один из четырех квадратных двориков, окружавших круглый центральный двор. В середине его возвысилась такая же круглая большая скала со стоящей на ней башней, называемой замком Шлезвигского Льва, в память о том, как Рольф Карлик заточил сюда своего брата Иофана Льва, герцога Шлезвигского.

В наши намерения не входит подробное описание мункхольмской тюрьмы, тем более что читатель, случись ему оказаться узником подобного застенка, может начать беспокоиться, что у него не будет возможности «спасаться бегством через сад». И напрасно, поскольку в замке Шлезвигского Льва для прогулок содержавшихся в нем высокопоставленных особ предназначался большой одичавший сад, где вокруг тюрьмы, среди камней и в расщелинах толстых стен старинных башен произрастали остролист, несколько старых тисов и черных елей.

Достигнув подножия круглой скалы, молодой человек поднялся по грубо вырубленным ступеням, которые, извиваясь, вели к маленькой дверце в одной из башен. Гость протрубил в полученный от охранника у решетки медный рог.

— Открывайте, открывайте! — закричали изнутри. — Наверное, наш капитан наконец-то прибыл!

Распахнувшаяся дверь открыла взгляду посетителя внутреннее пространство слабо освещенного готического зала, в глубине которого на куче плащей и шкур, рядом со стоявшей на полу трехрожковой лампой — такие наши предки подвешивали к потолку — небрежно раскинулся молодой офицер. Чрезмерная изысканность, богатство и элегантность его костюма забавно контрастировали с голыми стенами зала, с его скудным

и грубым убранством. Держа в руках книгу, офицер повернулся к вошедшему:

— Это вы, капитан? Приветствую вас, капитан! Наверное, и не думали, что заставляете ждать человека, даже не имеющего чести вас знать? Но мы сейчас познакомимся, не правда ли? Позвольте для начала выразить вам мои соболезнования по случаю возвращения в наш досточтимый замок. Если я еще хоть немного задержусь здесь, то во мне останется столько же жизни, сколько в летучей мыши, прибитой на дверь в качестве пугала, а когда приеду в Копенгаген на празднование свадьбы сестры, то, готов поспорить, меня узнают лишь четыре женщины из ста. Скажите, розовые банты по низу камзола все еще в моде? Переведены ли какие-нибудь новые романы знаменитой француженки, мадемуазель де Скюдери? Я как раз читаю «Клелию», надеюсь, ее еще читают в Копенгагене. Сейчас, когда я так далеко от прекрасных женских глаз, — ведь прекрасные глаза нашей молоденькой узницы (сами знаете, о ком я говорю) никогда ничего не выражают, — этот роман служит мне единственным учебником галантных манер. Ах, если бы не мой отец... По секрету скажу, капитан, ведь это именно мой отец, не будем говорить о нем плохо, приставил меня к... — ну, понимаете? — к дочери Шумахера. Но я зря теряю время, она не женщина, а красивая статуя, при этом постоянно плачет и совсем на меня не смотрит.

Молодой человек, не имевший дотоле возможности ни слова вставить в болтовню офицера, удивленно воскликнул:

— Что вы говорите? Вам поручили соблазнить дочь несчастного Шумахера?!

— Можно сказать, что соблазнить, если в Копенгагене это сейчас так называют. В таком деле я могу потягаться с самим чертом! Позавчера, например, будучи

на дежурстве, я положил рядом с ней прелестный плиссированный воротничок французской работы — его прислали из Парижа. Думаете, она хотя бы взглянула на меня? А ведь я несколько раз прошелся мимо нее, позванивая новыми шпорами, а звездочки на них крупнее ломбардского дуката! Наимоднейшая форма, верно?

— Боже! Боже! — Гость в отчаянии ударил себя по лбу. — Я потрясен!

— В том-то и дело! — по-своему истолковав реакцию собеседника, подхватил офицер. — Никакого внимания! Мне! Невероятно, но факт!

Гость большими шагами возбужденно мерил зал.

— Не хотите ли подкрепиться, капитан Дисполсен? — громко осведомился офицер.

Посетитель будто очнулся.

— Я вовсе не капитан Дисполсен.

— Вот как? — Офицер посуровел и наконец поднялся со своего ложа. — Кто же вы тогда и как осмелились проникнуть сюда в столь поздний час?

Молодой человек предъявил документ.

— Мне нужно видеть графа Гриффенфельда... Вашего узника.

— Графа! Графа!.. — Офицер был явно недоволен. — Впрочем, документ в порядке, вот подпись вице-канцлера Груммонда Кнуда: «Предъявитель сего имеет право на посещение королевских тюрем в любое время». Груммонд Кнуд — брат старого генерала Левена Кнуда, губернатора Дронтхейма. Вы, верно, знаете, что старик-генерал воспитал моего будущего шурина?

— Благодарю за семейные подробности, лейтенант. Вам не кажется, что вы уже достаточно всего рассказали?

— Этот наглец прав, — закусил губу лейтенант. — Эй, стражник! Стражник! Проводите посетителя

к Шумахеру. И не ворчите, что я стащил вашу трехрожковую лампу, — хочу получше рассмотреть помещение, скорее всего, оно построено при Скъольде Язычнике или при Хаваре Секаче. Между прочим, на потолок сейчас вешают только хрустальные люстры!..

Посетитель и его сопровождающий спустились в пустынный сад, а мученик моды вновь погрузился в книгу, продолжая следить за галантными приключениями амазонки Клелии и Горация Одноглазого.

IV

Бенволио. Куда ж, черт побери, Ромео делся?
Он так и не был дома?

Меркуцио. Нет, я с его слугою говорил.
*Шекспир. Ромео и Джульетта*¹

Тем временем во двор губернаторского дворца в Дронтхейме въехал всадник, держа в поводу свободную лошадь. Недовольно покачивая головой, он спешился и повел было лошадей на конюшню, как кто-то схватил его за локоть, засыпав вопросами:

— Почему вы один, Пел? А хозяин? Где ваш хозяин?

Это был старый генерал Левен Кнуд. Увидев из окна слугу и пустое седло второго коня, он спустился вниз и стоял теперь напротив лакея, не спуская с него обеспокоенного взгляда.

— Ваше превосходительство, — Пел склонился в глубоком поклоне, — мой господин уже не в Дронтхейме.

— Где же он? Уехал, не повидав своего генерала, не обняв старого друга?

— Он прибыл сегодня вечером и тут же отправился дальше.

— Этим же вечером? Этим вечером! Но где же он остановился, куда направился?

— Сначала посетил Спладгест, а потом отправился на лодке в Мункхольм.

— А-а! Я-то думал, что он совсем в другом месте. Но что он собирается делать в замке? Зачем заезжал в Спладгест? Истинный странствующий рыцарь! Впро-

¹ Пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник.

чем, здесь и моя вина. Зачем я таким его воспитал? Хотелось научить мальчика жить свободно, не чувствуя зависимости от происхождения...

— Вот потому он и не раб этикета! — присовокупил Пел.

— Этикета — нет, но своих прихотей — да. Ну ладно, он, конечно, скоро появится здесь. Подкрепитесь, Пел. Скажите-ка, — лицо генерала приняло заговорщицкое выражение, — по дороге, наверное, кое-куда заезжали?

— Мой генерал, мы прямиком из Бергена. Хозяин опечален.

— Опечален? Что-нибудь произошло между ним и отцом? Моему другу не по душе эта свадьба?

— Не знаю. Говорят, на свадьбе настаивает его светлость.

— Настаивает? Вы хотите сказать, вице-король на этом настаивает? Но чтобы его светлости пришлось настаивать, нужно, чтобы Орденер отказывался!

— Не знаю, ваше превосходительство. Но он выглядит грустным.

— Вам известно, как принял его отец?

— Первая встреча произошла в лагере близ Бергена. Его светлость сказали: «Я нечасто вижу вас, сын мой». Хозяин ответил: «Тем отраднее для меня, мой господин и отец, если вас это огорчает». Потом он поведал его светлости подробности своих поездок на Север. Его светлость были довольны. На следующий день мой хозяин, вернувшись из дворца, сообщил новость: «Меня хотят женить, поэтому я должен повидать моего второго отца, генерала Левена». Я оседлал лошадей, и вот мы здесь.

— Это правда, мой добрый Пел? — Голос генерала дрогнул. — Правда, что он назвал меня своим вторым отцом?

— Истинная правда, ваше превосходительство.

— Горе мне, если свадьба ему не по сердцу, ибо в таком случае я скорее навлеку на себя немилость вице-короля, нежели соглашусь на нее. Но все же невеста — дочь великого канцлера обоих королевств! Кстати, Пел, известно ли Орденеру, что его будущая теща, графиня Альфельд, со вчерашнего дня находится инкогнито здесь, ожидая приезда графа?

— Не знаю, мой генерал.

— О! — прошептал старик. — Должно быть, ему известно, иначе зачем он бежал, не успев приехать?

С этими словами, сделав дружеский жест в сторону Пела и ответив на приветствие вставшего навытяжку часового, обеспокоенный генерал вернулся в дом, откуда он только что вышел столь же обеспокоенным.

Казалось, все страсти когда-то волновали это сердце и все теперь покинули его. Остался лишь грустный и пронизательный взгляд человека, глубоко познавшего людей и умеющего моментально понять, к чему клонит собеседник.

Шиллер. Видения

Поднявшись с гостем по винтовой лестнице и проведя его через высокие залы замка Шлезвигского Льва, стражник наконец отомкнул дверь в помещения, где содержался заключенный, которого хотел видеть ночной посетитель. Узник встретил вошедших резким вопросом:

— Это наконец капитан Дисполсен?

Задавший вопрос старик сидел за столом спиной к двери, спрятав лицо в ладонях. На нем был длинный широкий плащ из черной шерстяной ткани. Над стоявшей в углу кровати висел гербовый щит, вокруг него были прикреплены разорванные цепи орденов Слона и Даннеброга; два фрагмента «руки правосудия», сложенные в виде креста, дополняли странное убранство комнаты.

Старый узник был Шумахером.

— Нет, господин, это не капитан, — ответил стражник и повернулся к своему спутнику: — Вот заключенный, которого вы желали видеть.

Дверь за солдатом закрылась прежде, чем желчный голос старика произнес:

— Если это не капитан, то я не желаю говорить более ни с кем.

Посетитель застыл у дверей, а пленник, думая, что остался один — он так и не обернулся, — снова впал в задумчивость.

Несколько минут прошли в тишине. Внезапно старик воскликнул:

— Конечно, капитан Дисполсен бросил и предал меня! Люди... Люди... Они как ледяная корка на ветке — ее невзначай примешь за бриллиант, положишь в котомку, а от нее и воды не останется.

— Я не из таких, — отозвался посетитель.

Шумахер стремительно вскочил:

— Кто здесь? Кто смеет подслушивать? Какой-нибудь негодяй, сообщник Гульденлева?

— Не говорите дурно о вице-короле, господин граф.

— Господин граф! Называете меня так, чтобы лестно втереться в доверие? Зря теряете время, у меня больше нет власти.

— Тот, кто с вами говорит, не знал вас в расцвете славы, но тем не менее ваш друг.

— Значит, он все же надеется что-то от меня получить. Несчастных помнят до тех пор, пока рассчитывают их как-то использовать.

— Пенять больше пристало бы мне, благородный граф, потому что я вас помню, а вы меня забыли. Я Орденер.

В потухших глазах старика засветилась радость, и улыбка, которую он не смог спрятать, словно солнечный луч, скользнула по устам, скрытым седой бородой.

— Орденер! Добро пожаловать! Тысяча пожеланий счастья путнику, вспомнившему о бедном узнике!

— Но... — настаивал юноша, — вы все же обо мне забыли.

— Я забыл о вас, — нахмурившись вновь, согласился Шумахер, — как забывают об освежившем лицо и умчавшемся вдаль легком бризе. Счастье, если этот бриз не превратился в ураган и не погубил тебя.

— Граф Гриффенфельд, — спросил Орденер, — вы не рассчитывали на мое возвращение?

Гюго В.

Г 99 Ган Исландец : роман / Виктор Гюго ; пер. с фр. Е. М. Шишмаревой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 448 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-11651-1

Виктор Гюго — один из известнейших французских писателей, автор романов «Отверженные», «Собор Парижской Богоматери», «Человек, который смеется» и многих других. «Ган Исландец» — первый роман автора, опубликованный им в возрасте двадцати одного года. Это стремительное, увлекательное произведение, созданное восторженным поэтом во времена, когда в литературе господствовали Фантазия и Романтика. Главный персонаж этой книги, отправляясь в полное опасностей путешествие ради спасения любимой девушки, претерпевает тысячу невероятных, порой весьма мрачных приключений среди фантастической природы Северной Норвегии.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ВИКТОР ГЮГО
ГАН ИСЛАНДЕЦ

Ответственный за выпуск Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Ксения Казак, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.06.2016. Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YAKB1967801R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/